

**Валентина Караваяева,
одна из красивейших инженерю
40-х годов, была изуродована
в автокатастрофе, сбежала
от мужа-англичанина
и до конца дней в одиночестве
репетировала «Чайку»**

Проглядывая этот фильм - так, углом глаза, - вы скользнете взглядом по титрам и не запомните настоящего имени той, что осталась навсегда Машенькой. Миловидная девушка с кудряшками улыбнется с экрана доверчиво и нежно - еще одно красивое неизвестное лицо из сороковых, еще одна трогательная инженерю. Всего лишь.

В начале января этого года на четвертом этаже одного из московских домов случилась водопроводная авария. Залило все нижние этажи, вплоть до первого. Единственным жильцом, не обратившимся в жэк, оказалась пожилая женщина со второго. Когда милиция взломала дверь ее квартиры, хозяйка была уже мертва. Экспертиза показала, что смерть наступила между двадцать пятым и тридцать первым декабря. Между Рождеством и Новым годом.

В однокомнатной квартире, полностью залитой водой, мебели практически не было. Ни шкафов, ни буфетов. Стоял лишь широкий, жесткий топчан. Пол, обтянутый черной тканью, завален бумагами, киноплёнками, фотографиями. На стенах висели приклеенные пластырем вырезки из журналов - портреты актеров и актрис. Хозяйка квартиры, Валентина Ивановна Караваяева, тоже была актрисой. Может быть, даже великой.

Вы не помните? Вы наверняка не помните. Это имя не успело прозвучать достаточно громко - в жизни Валентины Караваяевой было лишь несколько эпизодиче-

ских и одна главная роль. Главная роль в фильме Юлия Райзмана «Машенька», про простую и милую советскую девушку, которая влюбляется в простого советского юношу Алешу. В фильме наивном (по сегодняшним меркам), но все равно удивительно свежем, не похожем на типичные пропагандистские произведения тех лет.

Александр Шувиков, режиссер программы «В поисках утраченного»:

- В ту пору она была еще студенткой актерской школы при «Мосфильме», а Райзман был ее учителем. Караваяева напрашивалась на эту роль, ей очень хотелось сыграть Машеньку. Райзман пригласил ее на пробы, и его что-то не устроило. Он стал искать другую актрису, а она... Она не хотела смириться и все время готовилась. Дома разучила всю роль, репетировала. И потом, когда Райзман все-таки никого подходящего не нашел, Караваяеву снова попробовали. И она так сыграла, что ее не могли не утвердить.

После «Машеньки» в 1943 году съемочная группа получила Государственную пре-

Валентина Караваяева во времена «Машеньки» - мечтательный взгляд, милая улыбка, непослушный локон.

мию. Это было практически гарантией будущего: Валентине Караваяевой тут же предложили роль Зои Космодемьянской, о Зое тогда только-только стало известно. И было еще одно предложение - сняться в новом фильме Юлия Райзмана «Небо Москвы».

Евгений Жариков, президент Гильдии киноактеров:

- Райзман никого не снимал в своих фильмах дважды. Так было заведено: ни один актер не приглашался к Райзмани по второму разу. Исключение было сделано лишь в сорок третьем году для Валентины

Караваяевой. Она как раз ехала к нему на съемки, в Куйбышев, когда случилась автокатастрофа.

Об этом мало что знают: как, почему? Известны последствия. Горизонтальный уродливый шрам проходил через все лицо, от уха до уха, задевая верхнюю губу. Были выбиты передние зубы. Другая травма: врачи сказали Караваяевой, что у нее не может быть детей. Ей тогда было двадцать два года. «Небо Москвы» было снято с другой актрисой, этот фильм не стал для Райзмана особенным достижением, но прошел вполне успешно.

Снова - Александр Шувиков:

- Она была талантлива. У нее был прекрасный голос, который остался до самой смерти чарующим, обворожительным просто. Она обладала очень кинематографичной внешностью: лицо играло, глаза... И как только она пошла вверх, вдруг Бог ее пометил. Он дал ей четкий

знак на лице, что все: ее деятельность может быть прекращена.

Что было с ней, как она пережила тот первый момент, когда взглянула в зеркало? Представить себе это мгновение нормальному, благополучному человеку невозможно. Кинокарьера закончилась, почти не начавшись, двадцать два - не тот возраст, когда с этим так легко смириться. Безобразный шрам не удавалось скрыть никакими слоями грима. Она распрощалась с кино. Оставался еще театр, где не было слишком крупных планов и лицо можно разглядеть разве что в бинокль.

10 мая 1945 года (если верить надписи на программке - пятого мая) в Театре имени Моссовета прошла премьера «Чайки» в постановке Юрия Завадского. В спектакле были заняты Вера Марецкая, Ростислав Плятт, Михаил Астангов. Нину Заречную играла Валентина Караваяева.

Валентина ехала на съемки в Куйбышев, когда случилась автокатастрофа. Теперь горизонтальный уродливый шрам проходил у нее через все лицо, от уха до уха, задевая верхнюю губу. Врачи сказали Караваяевой, что у нее не может быть детей. Ей тогда было 22 года.

Газетных рецензий о том, как Караваева справилась с ролью, увы, не осталось. Какие там рецензии: День Победы, салют, ликование. Журналисты откликнулись на «Чайку» Завадского лишь в июне. Но тогда Нину Заречную играла уже другая актриса. Валентина Караваева продержалась лишь два спектакля, в архиве Театра имени Моссовета не осталось ни одной ее фотографии. Почему? Вряд ли из-за того, что не справилась с ролью.

Из книги А. Образцовой «Театр имени Моссовета», 1959 год издания:

«Сильно, глубоко изображала жизненную трагедию, нерешитую Ниной, первая исполнительница роли - Караваева. В ее игре отчетливо выступали большое творческое дарование, человеческая незаурядность Нины».

Евгений Жариков предложил свою версию ситуации: у Караваевой был неуживчивый характер. Мало ли что и кому могла она наговорить. Другая версия - ее рана еще не зажила, и она очень стеснялась неожиданно свалившегося на нее, красавицу, уродства.

Советник английского атташе Чапмен познакомился с Караваевой еще до катастрофы. Предложение сделал после. Она согласилась выйти за него замуж, уехать в Англию. В своем письме с просьбой разрешить выезд из страны Караваева пишет о том, что в Советском Союзе для нее нет работы.

Уезжает она в сорок пятом. И уже в сорок шестом просит разрешения вернуться. Брак не удался - вновь поражение. Единственный плюс - в Англии ей сделали пластическую операцию. Это чуть-чуть помогло. Чуть-чуть.

Про тот период ее жизни ходят легенды. Как, впрочем, и про другие ее периоды. Во время съемок передачи о Караваевой на АТВ Лидия Смирнова рассказывала, что дела у актрисы в Англии были настолько

Справка из киноэнциклопедии
Валентина Караваева. Родилась 28 мая 1921 года в Вышнем Волочке.
Снялась в фильмах:
 1939 - «Ночь в сентябре»
 1940 - «Будни»
 1940 - «Закон жизни»
 1942 - «Машенька»
 1943 - «Тоня» (новелла во фронтовом киносборнике)
 1965 - «Обыкновенное чудо»

плохи, что она выходила на панель. В окончательный вариант программы «В поисках утраченного» эта легенда не вошла: нет никаких документальных свидетельств.

В конце концов ей разрешили вернуться и сослани в Вышний Волочек, в ее родной город. Потом Караваева переехала в Москву. Почему-то с ней обошлись мягче, чем с прочими «возвращенцами» из нехорошего капиталистического мира.

Александр Шувиков:

- Можно было сказать что угодно: что она - агент НКВД, например, подсланный к иностранному сотруднику посольства. Хороший сценарист мог бы снять здесь настоящий художественный фильм, с историей любви и шпионскими страстями одновременно.

Далее в жизни Караваевой был всего один фильм - первая версия «Обыкновенного чуда», снятая Эрстом Гариным, с Олегом Видовым в роли Медведя. Когда-то наивная и лиричная Машенька сыграла там Эмилию - первую придворную даму.

Евгений Весник, игравший в «Обыкновенном чуде»:

- Я с ней был очень мало знаком. Единственное, что я могу сказать: она была непохожа на советских актрис. Она была умна, элегантна и удивительно воспитана.

Что было потом? Дубляж

иностранных фильмов. Ее голос по-прежнему чаровал, он вполне подходил к облику таких актрис, как Марлен Дитрих. Еще она числилась в театрах - в Пушкинском, в Театре киноактера, где пыталась поставить все ту же чеховскую «Чайку» - спектакль, в котором когда-то ей удалось лишь дважды выйти на сцену.

Этот кадр стал визитной карточкой «Машеньки» - Машенька и Алексей случайно встречаются на войне и через секунду расстанутся. Возможно, навсегда.

Евгений Жариков:

- Я тогда репетировал Третьякова. Но спектакль так и не был показан зрителю - это была учебная работа, чтобы актеры не заставлялись. Для худсовета. А Караваева... Она была неординарная, иногда очень острая. Работать ей позволяли, а довести спектакль до конца - нет.

Одно время она мне просто житья не давала - часто звонила, в очень неподходящие моменты. Например, когда я белил потолок. С рук текла краска, а она долго говорила

в трубку про то, как она мыслит поставить спектакль, как она меня видит в какой-то роли... Потом она пропадала месяца на два.

Последние годы она находилась под присмотром Гильдии киноактеров - мы кое-что ей доплачивали к пенсии. Немного, конечно, но... За деньгами она не приходила никогда. Их относил сотрудник. Одно время Караваева говорила, что ее судьбой занялось английское посольство. Не знаю, насколько это правда.

В девяностые годы старые режиссеры дубляжа ушли, появились новые. Они не знали Валентину Караваеву, она осталась почти без работы. Но была другая работа, о которой никто не знал. В своей комнате, пол которой был обтянут черной тканью, старая актриса устанавливала на штатив кинокамеру. Потом поднималась на свою сцену - старый топчан - и играла.

За последние тридцать лет она переиграла всего Чехова и всего Ибсена. Текст она наговаривала на старый магнитофон - получались радиоспектакли. Со вступительным словом к зрителям, с музыкальными заставками. А в кинокамеру она запряжала восьми- или шестнадцатимиллиметровую пленку. Потом относил материал в проявочную мастерскую, отсматривала все на экране и снова играла, с учетом предыдущих ошибок.

Иногда вновь бралась за чеховскую «Чайку» - «сюжет для небольшого рассказа». Может быть, произносила и фразу из монолога Нины Заречной: «Я теперь знаю, понимаю, Костя, что в нашем деле - все равно, играем ли мы на сцене или пишем - главное не слава, не блеск, не то, о чем я мечтала, а умение терпеть».

Каждый день одинокая старая женщина поднималась на свою сцену, чтобы репетировать роли, которых она не сыграет никогда. Каждый день, как еще перед съемками «Машеньки», она готовилась к тому, что ее

позовут. Каждый день работала над собой: реплика Аркадиной, Раневской или Заречной, нервный жест, усталая улыбка. Что говорила она перед камерой - не известно, ее монотонно так и остались бессловесными - слишком трудно сопоставить слепые кассеты и немые пленки.

Ее смерть некому было оплакивать. В залитой водой квартире погибли многие документы. Ни один из наследников (если таковые есть) пока не объявился. Впрочем, объявляться здесь и некому: в Верхнем Волочке у нее были две сестры, говорят, их давно нет на свете. Ее бывший муж-англичанин давно не подает о себе вестей. Сама Караваева была человеком замкнутым. Она не соглашалась на съемки, отказалась от встречи с Глебом Скороходовым - ведущим программы «В поисках утраченного». Эта программа была подготовлена уже после ее смерти. В квартире, где она жила, до сих пор открыта форточка. И кажется, в тех абсолютно голых, не обжитых стенах до сих пор играет «Чайка». На треноге стоит старенькая кинокамера, а хрупкая Валентина Караваева стоит на своей топчанной сцене и читает очередной монолог. Взмах руками, не слышно ни звука. По губам можно прочесть: «Я - чайка... Не то. Я - актриса. Ну да».

Проглядывая фильм, который ее прославил - так, углом глаза, - вы скользнете взглядом по титрам и не запомните настоящее имя той, что осталась навсегда Машенькой. Миловидная девушка с кудряшками улыбнется с экрана, доверчиво и нежно - еще одно красивое неизвестное лицо из сороковых, еще одна трогательная инженер. Всего лишь.

Валентина ЛЬВОВА.

Автор приносит благодарность за предоставленный материал телекомпания АТВ и Гильдии киноактеров.

Колле. правды. - 1998. - 27 марта. - с. 18, 19